

Михаил Афанасьевич Булгаков

Жизнь, творчество,
личность

(1891 – 1940)

Эпиграф:

«На широком поле
словесности российской в
СССР я был один-
единственный литературный
волк. Мне советовали
выкрасить шкуру. Нелепый
совет. Крашеный ли волк,
стриженный ли волк, он всё
равно не похож на пуделя»
(Из письма И. В. Сталину, март
1930 г.)

«Семья Булгаковых – большая, дружная, культурная, музыкальная, театральная»

Афанасий Иванович Булгаков - отец писателя

Варвара Михайловна Булгакова - мать писателя

Михаил Булгаков в годы учёбы в Александровской гимназии

Дом на Воздвиженской № 10 в Киеве, где родился Булгаков

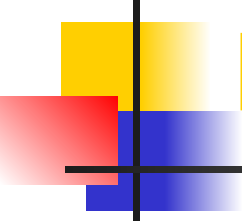

Так выглядел Андреевский спуск в конце XIX века

Татьяна Николаевна Лаппа - первая жена Булгакова

Из письма Варвары Михайловны дочери Надежде:

"Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня... В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и с разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к о. Александру Александровичу (можешь представить, как Миша с Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что "Бог устроит все к лучшему"... Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренне сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним... Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело..."

Из воспоминаний Леонида Сергеевича Карума:

"Студентом Михаил женился. Его жена была Татьяна Николаевна Лаппа, Тася, дочь управляющего Саратовской казенной палатой, девица со средствами. Михаил хорошо прожил на средства жены последние три года студенчества как в Киеве, так и в Саратове... Своих средств у Михаила не было... Тася не была красива, но была очень хорошей женщиной, тихой и любящей женой, худенькой и незаметной. Детей у их не было. Это было категорическое условие Михаила..."

Диплом Михаила Афанасьевича

**Своё медицинское образование
он скрывал до конца жизни**

«...приехал без
денег, без вещей
в Москву с тем,
чтобы остаться в
ней навсегда»
(Из автобиографии
М. А. Булгакова)

*«Цилиндр мой я с
голодухи на базар
снёс. Но сердце и мозг
не понесу на базар,
хоть издохну».*

*(Из книги «Записки на
манжетах»)*

Любовь Евгеньевна Белозерская - вторая жена Булгакова

Из воспоминаний писателя Юрия Слезкина:

Из воспоминаний писателя Юрия Слезкина:

"Тут у Булгакова пошли "дела семейные"- появились новые интересы, ему стало не до меня. Ударил в нос успех! К тому времени вернулся из Берлина Василевский с женой своей ... Любовью Евгеньевной, неглупая, практическая женщина, многое испытавшая на своем веку, оставившая в Германии свою "любовь", - Василевская приглядывалась ко всем мужчинам, которые могли бы помочь строить ее будущее. С мужем она была не в ладах. Булгаков подвернулся кстати. Через месяц-два все узнали, что Миша бросил Татьяну Николаевну и сошелся с Любовью Евгеньевной".

Из дневника Булгакова:

"Подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко, и, в то же время, безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый, а она для меня... Как заноза сидит... что чертова баба завязила меня; как пушку в болоте, важный вопрос. Но один, без нее, уже не мыслюсь. Видно привык...

...Эта ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?"

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

28 марта 1930 г. Москва

*Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва, Б. Пироговская, 35-а, к. 6)*

Я обращаюсь к правительству со следующим письмом:

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик. Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

Произведя анализ моих альбомных вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни...

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо...

Я прошу правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любви Евгеньевны Булгаковой.

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно точно и подчеркнуто прошу о КАТЕГОРИЧЕСКОМ ПРИКАЗЕ, О КОМАНДИРОВАНИИ, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен в СССР, как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили ИСПУГ, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними вместе и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства специалиста, режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, — нищета, улица, гибель.

М. Булгаков.

Из телефонного разговора Булгакова и Сталина:

Сталин: *Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь. А, может быть, правда, вас пустить за границу? Что, мы вам очень надоели?*

Булгаков: *Я много думал в последние годы, может ли русский писатель жить без родины, и мне кажется, что не может...*

Сталин: *Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?*

Булгаков: *Да, я хотел бы, но я говорил об этом, мне отказали.*

Сталин: *А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...*

Елена Сергеевна Булгакова - третья жена Булгакова

Из воспоминаний Е. С. Булгаковой:

"Мы познакомились очень неожиданно. Я интересовалась им давно. С тех пор как прочитала «Роковые яйца» и «Белую гвардию». Я почувствовала, что это совершенно особый писатель, хотя литература 20-х годов у нас была очень талантлива. Необычайный взлет был у русской литературы. И среди всех был Булгаков, причем среди этого большого созвездия он стоял как-то в стороне по своей необычности, необычности темы, необычности языка, взгляда, юмора: всего того, что, собственно, определяет писателя.

Все это поразило меня.

Я была женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей... Вообще все было хорошо. Но когда я встретила Булгакова случайно в одном доме, я поняла, что это моя судьба, несмотря на безумно трудную трагедию разрыва. Я пошла на все это, потому что без Булгакова для меня не было бы ни смысла жизни, ни оправдания ее...

Это было в 29-м году в феврале, на масленую. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом. Это была быстрая, необычайно быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь.

Потом наступили гораздо более трудные времена, когда мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но, очевидно, все-таки это была судьба. Потому что, когда я в первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первая фраза, которую он сказал, было: «Я не могу без тебя жить». И я ответила: «И я тоже». И мы решили соединиться, несмотря ни на что. Но тогда же он мне сказал то, что, я не знаю почему, но приняла со смехом. Он мне сказал: «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках». Если представить, что это говорил человек неполных сорока лет, здоровый, с веселыми голубыми глазами, сияющий от счастья, то, конечно, это выглядело очень странно. И я, смеясь, сказала: «Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на...». Он сказал: «Я говорю очень серьезно, поклянись». И в результате я поклялась».

Отрывок из письма Булгакова Шиловскому:

"Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше. И мы хотим пожениться".

Записка М. Булгакова

"Секретно. Срочно. В 3 3/4 дня я венчаюсь в загсе. Отпустите меня через 10 минут".

Из воспоминаний Елены Сергеевны:

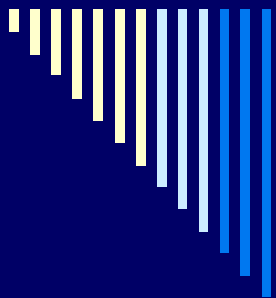
«Слушали замечательно, после чтения долго, стоя, аплодировали. Однако главный герой пьесы, уже одобренной в Комитете по делам искусств, категорически высказался против ее постановки. Причем, в разговоре с В. Немировичем-Данченко, Сталин сказал, что «пьесу «Батум» он считает очень хорошей, но ее нельзя ставить». Режиссер несостоявшегося спектакля В. Г. Сахновский объяснил Булгакову, почему не приняли пьесу: «Нельзя такое лицо, как Иосиф Виссарионович Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова».

Из романа "Мастер и Маргарита"

"Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга..."

**«...Только сильное радостное потрясение... может
дать надежду на спасение...»**

Из письма друзей
М. А. Булгакова Сталину

Новодевичье кладбище. Могила М. А. Булгакова

